

УДК 37.03

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-56-62

РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В РАСКРЫТИИ ГЛУБИННОГО СМЫСЛА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ХАРРИС «FIVE QUARTERS OF AN ORANGE»)

Петришина Е.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается влияние отрывков текста с формально иным субъектом речи на процесс формирования адекватного понимания текста инокультурным читателем. Автор приходит к выводу, что подключение тезауруса реципиента с иным видением жизни, нисколько не препятствует пониманию, а, напротив, заметно обогащает заложенный писателем глубинный смысл текста. Именно с позиций дискурсного анализа, характеризующегося функционально-деятельностным и антропоцентрическим подходами и учитывающим экстралингвистические факторы, автору удается найти достойный ключ к пониманию романа.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные включения, цитата, аллюзия, реминисценция, глубинный смысл.

THE ROLE OF INTERTEXTUAL INSERTIONS IN THE DECODING OF THE INNERMOST SENSE OF THE TEXT (WITH THE EXAMPLE OF THE NOVEL «FIVE QUARTERS OF AN ORANGE» BY J. HARRIS)

E. Petrishina

*Moscow State Region University
105005, Moscow, Radio st. 10a, Russian Federation*

Abstract: The article analyses the influence of insertions within a text with a formally different subject of speech onto the process of adequate understanding forming by a foreign reader. The author concludes that using a different life-view thesaurus doesn't prevent but intensifies the authentic innermost sense of the text. That's due to discursive analysis, characterized by functional and anthropocentric approaches, that the author finds the clue to understanding the text.

Key words: intertextuality, precedent, intertextual insertions, quotation, allusion, innermost sense.

Феномен включения одного текста в другой существовал с незапамятных времен. Тем не менее, исследование категории интертекстуальности считается относительно новой ветвью в языкознании, так как данный феномен не попал в поле интересов лингвистов вплоть до 1920 г., когда впервые в работе француз-

© Петришина Е.Ю., 2016.

ского лингвиста Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» появился термин «интертекстуальность», вместо предложенного ранее М.М. Бахтиным «полилогичность» «многоголосие». С этих пор изучение интертекстуальности вышло на новый, лингвистический уровень.

Большой интерес для исследования в рамках изучения интертекстуальности представляют формы интертекстуальных включений (далее ИВ). По данным В.П. Москвина, к таковым относятся цитирование, реминисценция, текстовая аппликация, аллюзия, парафраз, травестирирование, имитация, пародии и подражания [1, с. 53]. Что общего у всех этих форм ИВ? Ответ – прецедентность, или другими словами «принадлежность к свойствам культурных предметов» [1, с. 56]. А интертекстуальность и есть способ ретрансляции кода культуры, общего для того или иного лингвокультурного сообщества.

Однако следует отметить, что понимание интертекстуальности может быть двояким: с одной стороны интертекстуальность понимается как непосредственное включение в текст других текстов, представленных в относительно узнаваемой форме; с другой стороны, интертекстуальность рассматривается как бесконечная взаимосвязь текстов, в которой каждый новый текст включает в себя информацию и накопленный опыт претекстов, содержащих те самые культурные коды.

Возникает закономерный вопрос – как понимать текст реципиентам иной лингвокультурной направленности? Автор статьи выдвигает гипотезу, что различия культурного плана нисколь-

ко не препятствует пониманию, а, напротив, заметно обогащают заложенный писателем глубинный смысл текста. Именно с позиций дискурсивного анализа, характеризующегося функционально-деятельностным и антропоцентрическим подходами и учитывающим экстралингвистические факторы, автору удается найти достойный ключ к пониманию романа.

Рассмотрим выявленные методом сплошной выборки виды ИВ, обнаруженные в романе Джоанн Харрис «Five Quarters of the Orange» (2002) и их способность участвовать в донесении глубинного смысла романа.

Для начала остановимся на объемно-прагматическом членении текста изучаемого произведения. Роман Дж. Харрис разделён на пять частей, что очевидно, перекликается с названием книги и, поскольку ничего в тексте не бывает случайным, безусловно, несёт скрытый смысл: *The Inheritance*, *Forbidden Fruit*, *The Snack Wagon*, *La Mauvaise Reputation*, *Harvest*. Семантическое развертывание каждого заголовка соответствует сюжетной линии романа. Так, в первой части автор знакомит читателя со странным наследством главной героини – кулинарной книгой ее матери, на полях которой таинственным образом зафиксирована история семьи Фрамбуаз и история Франции во времена фашистской оккупации.

Название второй части романа представляется аллюзивным – *Forbidden Fruit* (запретный плод). По данным Лонгмановского словаря английского языка и культуры (2000), ЛЕ *запретный плод* обозначает недозволенное удовольствие и корнями своими уходящее в библейскую легенду про

Адама и Еву, вкусившие от священного Древа Познания и потому изгнанные из рая [3, с. 507]. Использование любой аллюзии работает по следующей схеме: идентификация аллюзии → выявление ее источника → определение её значения из контекста и компонентов значения источника → определение культурологической значимости выявленной аллюзивной формы в новом контексте. Следуя указанному алгоритму, читатель может интерпретировать представленное ИВ следующим образом. Подобно библейским персонажам, главная героиня романа, достав запретный плод – апельсин, и воспользовавшись им в корыстных целях (мать страдала мигренями от апельсинового запаха), навсегда отдаляется от родительницы. Важно отметить, что для адекватного понимания заголовка необходимо, чтобы читатель обладал равноценными с автором фоновыми знаниями. Здесь факт социокультурной компетентности имеет принципиальное значение, так как только при наличии специфических знаний реципиент сможет правильно интерпретировать смысл.

Апельсин выступает как тот самый фрукт, который стал инструментом познания Фрамбуаз самой себя, своей страны и взаимоотношений людей. На фоне описания воспоминаний прошлых событий формируется особая ценностная шкала, помогающая читателю расставить нужные акценты и приоритеты.

Названия последующих частей романа имеют и другие отличительные особенности. Они служат своего рода рычагом переключения из одной временной плоскости в другую, из одной языковой среды в другую и, соответ-

ственно, когда читатель доходит до заключительной части романа, ему уже остается только взвешенно осмотреть все предложенные факты и осмыслить их с аксиологических позиций современности. Отметим, что в подобном контексте интертекстуальность актуализируется в узком смысле, т.е. как включение в текст других текстов, представленных в относительно узнаваемой форме, где реципиент видит и понимает наличие связи с претекстом.

К узкому пониманию интертекстуальности представляется возможным отнести другой вид ИВ – лингвокультурный типаж. По определению С.Г. Воркачева, лингвокультурный типаж – это одна из наиболее ярких точек сопряжения интердискурсивности, прецедентности и лингвокультуры, поскольку в нем обобщаются этно- и социокультурные свойства реально существовавших или вымышленных личностей» [1, с. 61] Приведем пример ЛК-типажа из изучаемого романа:

I could smell soap on her, and in the gloom of the passageway she looked like Lady Macbeth-a tale I had culled recently from another of Cassis's books-her hands rubbing against each other, lifting to her face, caressing, cradling it, rubbing again, as if blood, and not the juice of oranges, were the stain she could not wash away» [2, с. 105].

Согласно словарю английского языка и культуры издательства Лонгман (2000), Lady Macbeth – героиня одноименной пьесы Шекспира, в сюжете которой она подговаривает мужа избавиться от короля Шотландии Дункана с целью захвата власти и трона. Будучи морально гораздо сильнее собственного супруга, Леди Макбет, тем не менее, начинает страдать от неве-

рогатного чувства вины от содеянного, что проявилось в ночных бдениях и безуспешных попытках смыть со своих рук воображаемую кровь законного правителя [3, с. 813; пер. наш – Е.П.]. Таким образом, наделяя главную героиню чертами характера Леди Макбет, автор формирует образ властной, честолюбивой, жестокой женщины, умело пользующейся окружающими в угоду своим интересам. Автор позволяет знающему читателю провести допустимую аналогию и понять, какие черты скрываются за этим прецедентным именем, представляющим собой яркий ЛК-типаж. Необходимо сказать, что прецедентные имена являются важнейшей составляющей национальной культуры и также тесно связаны с национальными ценностями и традициями.

Перейдем к рассмотрению широкого понимания интертекстуальности. Повторим, что такой подход рассматривает интертекстуальность как бесконечную взаимосвязь текстов, в которой каждый новый текст включает в себя информацию и накопленный опыт претекстов. В таком значении находят свое отражение имитационные тексты, представленные в романе в виде вкраплений из кулинарной книги, полученной главной героиней в дар от матери. Тщательное изучение этих незамысловатых, а порой таинственных заметок становится ключом к счастью наследницы поваренной книги и ключом к адекватной интерпретации глубинного смысла романа.

В сюжетной линии произведения размыты временные границы. Здесь переплетаются два времени – настоящее и прошедшее, и именно вкрапления из кулинарной книги являются

своеобразным рычагом перехода от мира настоящего в мир прошлого. Важно отметить, что при этом пространство повествования сохраняется. Рассмотрим некоторые примеры из романа:

Clean and gut the anchovies and rub inside and out with salt. Fill each one generously with rock salt and branches of salicornie. Place in the barrel with the heads facing upward and cover with salt by layers... . Another affectation. When you opened the barrel they would be there, standing on their tails in the gleaming gray salt, staring in mute fishy appeal... [2, с. 251].

В представленной выдержке непосредственной сцепкой основного текста с имитационным включением является ЛЕ *barrel* – a round wooden container with curved sides and a flat top and bottom [3, с. 88]. Изучение ближайшего контекста позволяет заключить, что бочка имела особое эмоциональное значение для девочки. И это было связано с несколькими факторами. Во-первых, для детского впечатлительного восприятия был неприятен сам зрительный контакт с мертвой рыбой – *staring in mute fishy appeal* – о чем также могут свидетельствовать приведенные эпитеты (*seeming false; making one doubtful; suspicious* [3, с. 489]). Во-вторых, даже маринованные, рыбы оживали в воображении девочки, о чем свидетельствует персонификация *standing on their tails*, и являлись соучастниками ее незаконных проделок с апельсином. Именно в бочке Фрамбуаз прятала мешочек со своим секретным оружием. Представляется, что в силу этого и звучит ЛЕ *affectation* – с особой стилистической пометой уничижительно – *derogatory* – *behaviour which is not one's natural manner* [3, с. 18] и

использована она в нераспространенном, односоставном предложении, являющим собой элемент несобственно-прямой речи главной героини и отражающей её оценку содеянному. Фактически можем ощущать раскаяние зрелой женщины в проказах детства.

Целесообразно заметить, что для трактовки глубинного содержания и целостного восприятия художественного произведения не менее важен культурно-исторический фон. Проиллюстрируем это на примере романа.

Действие романа происходит в военные времена, когда голод – обычное явление. С одной стороны, разруха, отсутствие еды, люди, с трудом добывающие хлеб насущный. С другой стороны, главная героиня – маленькая девочка, мечтающая поймать щуку. Щука для главной героини – не просто еда, это воплощение ее детского бунтарства и протеста, способ исполнения желаний:

I told myself I didn't believe in curses or wishes for free. But the image of the old pike wouldn't let go <...> I spent most of my waking hours-and many of my sleeping-devising ways of trapping Old Mother <...> I'd show them. The day I caught Old Mother they'd all look at me in amazement [2, с. 83].

Представленная выдержка является собой совокупность прямых высказываний девочки относительно предмета ее охоты. Надо отметить, что свою соперницу Фрамбуаз глубоко уважает и передает свой пиетет посредством использования парафразы *Old Mother*. Интересно отметить, что в русском варианте романа эквивалентом представленной единицы выступает менее уважительное *Матерая*. Замеченная разница, безусловно, является сиг-

налом перехода из ценностей одной лингвокультуры в ценностную шкалу другой. *Матерая* может иметь дополнительное коннотативное значение *опытная, труднодоступная, хитрая, хищная*. Примечательно, что все указанные контексты содержат непосредственную отсылку к лексико-семантическому полю *время: wouldn't let go, waking hours-and many of my sleeping-devising ways, The day I caught*, что, как нам представляется, ярко отражается в русском определении щуки. Не менее важным элементом выдержки является многочисленно употребленное личное местоимение *Я*, что указывает на персональное противостояние девочки и щуки. Изначально образ данной рыбы был лишь частью фольклора, но цепкое детское восприятие не позволило легенде кануть в лету, и все свое время она посвящала выуживанию из реки исполнительницы желаний.

Однако носитель русскоязычной культуры может провести дополнительную аналогию между сюжетом романа и сюжетом русской народной сказки «По щучьему веленью», где щука также представляла собой символ сверхъестественной, волшебной помощи. В таком контексте можно говорить о еще одном виде ИВ – реминисценции, или скрытом намеке на прецедентный текст, обнаруживаемый в художественном произведении. Как известно, реминисценция представляет собой тонкий литературный прием отсылки к претексту не только в форме прямых цитат, но и в описательной, косвенной форме. В случае же несовпадения фоновых знаний автора и реципиента дополнительный смысл, окраска, производимые при помощи реминисценции, теряются.

Национальная принадлежность в данном случае играет значительную роль. Так, например, читатель, не знакомый с русским фольклором, не сможет провести параллель и расшифровать указанную ранее реминисценцию. С позиции англоязычного автора представляется возможным говорить о ненамеренной реминисценции, что подтверждает фактор восприятия и трактовку художественного текста через призму личностного культурно-исторического опыта. В данном направлении рассуждений автор видит подтверждение высказанной в начале статьи гипотезы относительно того, что различия культурного плана несколько не препятствует пониманию, а, напротив, заметно обогащают заложенный писателем глубинный смысл текста.

В заключение скажем, что авторская дискурсивная модальность позволяет расширить границы текста. Анализируя ИВ в романе Джоанн Харрис «Five Quarters of the Orange», можно сделать вывод о том, что интертекстуальные

связи несут значимую смысловую нагрузку и позволяют более объективно трактовать глубинный смысл произведения. С функциональной стороны ИВ представляют собой особый инструмент экономии когнитивных усилий читателя и номинативных усилий писателя – продуцента текста, т.е. обеспечивают компрессию. ИВ играют роль регуляторов познавательной деятельности адресата, направленную на понимание авторской концепции, поскольку способствуют расширению содержания ключевых для понимания глубинного смысла романа узлов текста.

Еще одной не менее важной функциональной нагрузкой ИВ выступает аксиологическая составляющая, способствующая передаче авторской оценки происходящих в повествовании событий, вовлечь читателя в рассуждения. И, наконец, ИВ служат обогащению текста за счет установки на диалогичность, которая позволяет ему иметь одновременно несколько иносистемных речевых субъектов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. М.: ФЛИНТА : Наука, 2014. 352 с.
2. Harris «Five quarters of the Orange». Black Swan, 2002. 429 p.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 4th impression, 2000. 1568 p. (LDELС)

REFERENCES:

1. Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov: kollektivnaya monografiya [Intertextuality and figures of intertextuality in the discourses of different types: collective monograph]. M., FLINTA: Nauka, 2014. 352 p.
2. Harris «Five quarters of the Orange». Black Swan, 2002. 429 p.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 4th impression, 2000. 1568 p. (LDELС)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петришина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Petrishina – PhD of Philology, associate professor at the department of English philology at the Institute of linguistics' and Intercultural Communication at Moscow State Region University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Петришина Е.Ю. Роль интертекстуальных включений в раскрытии глубинного смысла (на примере романа Дж. Харрис «Five quarters of an orange») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 56-62.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-56-62

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Petrishina E. The role of intertextual insertions in the decoding of the innermost sense of the text (with the example of the novel «Five quarters of an orange» by J. Harris) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no. 4. pp. 56-62.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-56-62